

УДК 7; 7.03

КАРТИНА МИРА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ЮРТООБРАЗНОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Мелехова Ксения Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории отечественного и зарубежного искусства, факультет искусств, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: kschut@mail.ru

В статье раскрывается актуальная проблема роли юрты и юртообразной архитектуры в культуре и искусстве народов Центральной Азии. Работа основана на комплексном подходе, на современных культурологических и искусствоведческих концепциях, что обусловило комплексную методику, предполагающую использование методов историзма, сопоставления, сравнения, библиографического метода и стилистического анализа. Используются специальные методы историко-архитектурного исследования и типологии. Для анализа семантики культуры кочевых народов применялся метод контекстуального анализа. Цель исследования: выявить особенности юртообразной архитектуры и определить ее роль в формировании и развитии картины мира народов Центральной Азии. Становление архитектурного типа – гэр – обусловлено разнообразными факторами. Кочевой образ жизни внес в образ юрты ее универсальность; Великая степь определила отношение к пространственному решению; религиозный и идеологический контекст повлияли на смысловые компоненты; культурный ландшафт определил эстетику. Юрта символична. В ее форме, месте расположения, цвете, декоре представлены глубокие семантические основания. Так форма полусферы олицетворяет небесный свод, который покоится на земле. Юрты свободно расположены в зоне стоянки, имеют большие пространственные паузы, что раскрывает идею безграничности пространства и места в нем мироздания кочевника. Внутреннее устройство юрты строго определено функционалом, социальными аспектами и традиционным укладом жизни. Цвет не случаен, он выступает смысловой доминантой и определяет значение предметов. Богатый орнамент раскрывает глубокую идейную сущность и представления о красоте. В стилистике гэр проявились черты национальной эстетики, раскрылось понимание красоты, универсальности, философского смысла. Зарождение, становление и эволюция юртообразной архитектуры олицетворяют картину мира, в которой проявились богатые этнокультурные традиции кочевых народов. В данной работе рассматриваются особенности юртообразной архитектуры Монголии, Казахстана, Кыргызстана и предпринимается попытка найти общие стилистические и смысловые компоненты характерные для архитектуры тюркских народов.

Ключевые слова: духовная культура, религиозные практики, пространство, юрта, юртообразная архитектура, картина мира, тэнгрианство, буддизм, ламаизм.

PICTURE OF THE WORLD IN THE CENTRAL ASIAN YURTS ARCHITECTURE

Melekhova Kseniya Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of the History of Russian and Foreign Art, Faculty of Arts, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: kschut@mail.ru

The article reveals the actual problem of the role of yurt and yurt-like architecture in the culture and art of the people of Central Asia. The work is based on an integrated approach, on modern cultural and art concepts, which led to a comprehensive methodology that involves the use of methods of historicism, comparison, comparison, bibliographic method and stylistic analysis. Special methods of historical and architectural research and typology have been used. To analyze the semantics of the culture of nomadic peoples, the method of contextual analysis was used. The purpose of the research is to reveal the peculiarities of the yurt-like architecture and determine its role in the formation and development of the picture of the world of the peoples of Central Asia. The formation of an architectural type “ger” is due to a variety of factors. Nomadic way of life introduced its yurt image of universality; the Great Steppe defined the attitude to the spatial solution; religious and ideological context influenced the semantic components; the cultural landscape has defined aesthetics. Yurt is symbolic. there are deep semantic foundations in its form, location, color, decor. So, the shape of the hemisphere personifies the celestial vault that rests on the earth. Yurts are freely located in the parking area, have large spatial pauses, which reveal the idea of the boundless space and place in it of the universe of the nomad. The internal structure of the yurt is strictly defined by the functional, social aspects and traditional

way of life. Their color is not random, it acts as a semantic dominant and determines the meaning of objects. A rich ornament reveals a deep ideological essence and ideas about beauty. In *gers* style, the features of national aesthetics appeared, and understanding the beauty, universality, philosophical meaning was revealed. The origin, formation and evolution of yurt-like architecture personify a picture of the world in which the rich ethnocultural traditions of nomadic peoples were manifested. In this work the characteristic of the yurt-like architecture of Mongolia, Kazakhstan, Kyrgyzstan attempts to find common stylistic and semantic components characteristic of the architecture of the Turkic people.

Keywords: spiritual culture, religious practices, space, yurt, yurt-like architecture, world view, Tangrianism, Buddhism, Lamaism.

Духовная культура народов Центральной Азии зародилась в глубокой древности и имеет длительный опыт своего развития. На ее формирование оказали влияние различные факторы: географическое расположение на территории евразийской степи, кочевой тип, кросскультурные связи с соседними этническими группами, социокультурный контекст, религиозные воззрения и т. д. На основе этих закономерностей получила развитие архитектура, в которой сложился особый юртообразный тип. В ее зарождении и эволюции отразились наиболее важные аспекты картины мира, художественное наследие, традиционные технические приемы. Изучение этих особенностей является актуальным для современного искусствознания.

Важную роль в становлении и развитии архитектуры в Центральной Азии сыграл особый тип культуры – кочевой (степной). Жизнеспособность кочевничества доказана многовековой апробацией. Особенно распространенным этот тип культуры оказался на территории центральноазиатских плоскогорных районов, так называемой Великой степи. Это территория крупных центральноазиатских государств Монголии, Казахстана и Кыргызстана. В кочевой культуре этих народов развитие общественных отношений, производственных сил, образа жизни были устойчивыми. Жизненно-бытовое пространство, которое создали кочевники, оказалось универсальным для подобного существования. Так все, что вписывалось в мир кочевничества и, в частности, жилище, приобретало соответствующие для подвижного образа жизни формы, стили и функции.

Степь с ее безграничным пространством стала камертоном концепции возникновения особого юртообразного архитектурного типа. В степи

ландшафт не дифференцирован, нет четкого разграничения на стороны света, поэтому жилище кочевника круглое. Звук в степи слышен издали, значит, средоточием внимания является слух, так в юрте нет окон (глаз), они не рациональны. Сидят преимущественно на полу, чтобы отчетливо слышать вибрации земли от скачущих наездников. С понятием «бескрайняя степь» связано мировоззрение кочевников. В нем превалирует пространство, а не время как у оседлых земледельцев.

Важным фактором для формирования и развития архитектуры является религия. В древности у многих народов Центральной Азии (монголов, кыргызов, казахов) была распространена языческая религия, связанная с поклонением небесным силам. Эта особая, специфическая система верований и культов, получила название «тэнгрианство». В основе этой религиозной формы лежало одухотворение и обожествление природы и природных явлений, а также трансцендентальное воздействие неба и небесных божеств. На основе этих первичных религиозных воззрений развивался шаманизм. Именно в религиозной культуре тюркских народов отразились представления об окружающем пространстве, целостной картине мира, месте человека в этом мире. Уже первые религиозные практики сформировали особый семантический контекст, в котором зарождался тип юртообразной архитектуры.

Особое значение в архаических религиозных воззрениях тюрков имела гора, которая выступала медиатором между различными началами – человеком и природой, небом и землей и т. д. Культ гор один из самых распространенных в Монголии. Так в древности верили, что горы обладают невероятной силой, и, чтобы уберечь себя от их немилости, люди никогда вслух не произносили их

названия. Чтобы умиловить духов гор, им приносили подношения, что впоследствии вызвало появление традиции возведения обоо. Культ обоо являлся частью религиозных практик монголов. Обряды, как правило, отправлялись у подножия гор. Обоо – это не только место пребывания бога или духа, но и религиозный центр, следовательно, его можно считать первой формой храма. Обоо в плане представляет собой круг. Следовательно, именно круг лег в основу первого жилища и первого храма. В настоящее время обоо распространены в Монголии, и, также как много веков назад, люди верят, что, оставив камень или вещь в этом месте, можно привлечь удачу. Туристы и жители Монголии обходят вокруг обоо и загадывают желания, тем самым продолжают традицию почитания силы гор.

Круг в плане и форма полусферы легли в основу национального типа **монгольского жилища – юрты** («гэр» – монг.), которая строилась исключительно из натуральных материалов – дерева и войлока. Юрта была самым популярным и универсальным видом жилища как простых аратов, так и знати. Не случайно Монголию называют «страной войлочных жилищ». Именно в ней отразились главные аспекты мировосприятия и миропонимания этнической общности. Композиция юрты, отработанные веками формы и ее основные элементы легли в основу многих культовых монгольских построек. Был разработан тип специальной юрты для молелен («хурла-гэр»). По мере расширения пространственных решений и культовых задач появилось уникальное явление – кочевые монастыри, состоявшие из нескольких десятков перевозимых юрт. Так, монгольское зодчество напрямую стало связано с эволюцией юрты. В работе «Особенности дизайна монгольских юрт (гэр): генезис, типология, каркасно-модульные технологии и их трансформация» С. О. Никифорова, Б. С. Никифорова, В. Н. Михайлова прослеживается генезис юрты. Авторы отмечают, что в результате эволюции формы и конструкции из конического шалаша постройка преобразовалась в совершенный тип кочевого жилища – решетчатую юрту (гэр). Так как решетчатую стенку (хана) можно сжать и растянуть гармошкой, то тем самым можно менять в опреде-

ленных пределах высоту и ширину (хана), а также компактно складывать юрту во время перекочевки. При этом шарнирная конструкция хана обеспечивает сейсмостойчивость юрты. С изобретением технологии создания изделий из войлока (более трех тысяч лет назад) им стали покрывать гэр сверху и с боков, тем самым формируя войлочный гэр, надежно защищающий человека как от летнего зноя, так и от зимней стужи [5, с. 108].

Семантика юрты представляет собой модель мироздания. План – *ротонда* (от лат. *rotundus* – круглый) – означает бесконечность, воплощение идеи первоначала Вечно Синего Неба (монг. Хухэ Мунхэ Тэнгэри). Остов юрты состоит из деревянных решетчатых стенок, которые устанавливаются по кругу. Сверху к ним прикрепляются деревянные рейки уни, которые образуют конусообразную крышу. Число уни – 60, что соответствует числу лет полного круга лунного календаря, который использовали монголы с древности. В центре крыши располагается тоно – отверстие для отвода дыма из очага. Это второй круг, который олицетворяет солнце. Верх и низ юрты соединяет опорный столб. Это не просто опорный шест, это еще и символ магической связи поколений и времен. Также этнограф-исследователь Н. Л. Жуковская с помощью метода бинарных позиций отмечает связь монгольской культуры и, в частности, монгольской юрты с двоичным кодом культуры [2, с. 8]. Так, в юрте точно вычленяется: верх – низ, что тождественно небо – земля.

Особый смысл имеет способ размещения юрты. Она является центром в композиции пространства, и вокруг нее концентрируется вся жизнь общности. Н. Л. Жуковская выделяет концентрический способ в пространственном мышлении монголов. Концентрический принцип работал, пока юрта находилась на одном месте и вокруг нее «образовывалась определенная зона одомашненности» [2, с. 25].

Несомненна роль цвета в семантике юрты. Юрта, как правило, белая, а белый цвет монголы называют «матерью цветов», потому что он в сочетании с остальными цветами дает новые тона, которые назывались «цвета-сыны». Он означает счастье, чистоту, благополучие [10, с. 244]. В интерьере преобладает красный цвет – цвет радости,

богатства, процветания. Это и цвет огня, а следовательно, тепла, очага, уюта. Синий – символизирует небо, и его монголы используют для росписи предметов в интерьере, также как и желтый – цвет земли. Все эти цвета являются олицетворением пяти первоэлементов, от которых произошла Вселенная. Это учение монголы восприняли из Китая и, органично ассимилируя, применяли в культовых практиках.

Именно форма юрты и ее семантика легли в основу первых кочевых храмов, которые отличались от жилой архитектуры тем, что на тоно воздвигался *ганчжир* – символическое завершение храма в виде сосуда из золоченой меди, а в северной части внутреннего помещения устанавливался киот с бурханами – изображениями буддийских божеств [9, с. 70]. На протяжении XVII–XIX веков монгольские мастера решали сложные инженерные задачи в создании храмов на основе принципов традиционного жилища. Ими были созданы уникальные произведения культовой архитектуры, которая не имеет аналогов в мире. Первыми эртами (храмами) стали: юрта Абатай-хана, которая получила название Барунорго – Западный дворец. Ансамбль юртообразных храмов образует монастырь Дашчойлинг. В настоящее время сохранились юртообразные храмы XIX века.

С увеличением числа кочующих монастырей и монастырской общины, обычный небольшой юртообразный храм уже не мог вместить большое количество молящихся. Необходимо было юрту увеличивать, но по конструктивным возможностям она имела пределы. Первые опыты шли по пути простого соединения двух юрт, связанных деревянным проходом. Но вместе с потребностью создания крупных оседлых монастырей в строительстве юртообразных храмов стали применяться новые методы и материалы. Принципиальным изменением стало преобразование несущей конструкции стены, которую пришлось усилить и в тоже время сохранить все ее основные качества. Цултэм отмечает, что «монгольские зодчие решили эту задачу, применив каркасную, или фахверковую, стену, состоящую из стоек, обвязок и раскосов. Такая конструкция дала возможность облегчить стену за счет передачи вертикальных и горизонтальных нагрузок на каркас» [9, с. 75].

На протяжении XVII–XIX веков размеры круглых в плане юртообразных зданий непрерывно увеличивались. В связи с этим увеличивались сечения элементов каркаса фахверковой стены. Ее заполнение делалось сплошным, из досок, что придавало ей большую жесткость. При больших размерах юртообразных зданий делались дополнительные опоры не только для тоно, но и для кровли. Так, в интерьере юртообразного храма появились дополнительные ряды колонн. Стараясь сохранить круглую в плане форму храма, монгольские мастера изготавливали обводки фахверковых стен в виде криволинейных брусьев. Эта работа требовала много времени, и монгольские зодчие стали делать постройки с обвязкой из прямых брусьев, благодаря чему юртообразные здания приобрели в плане форму многоугольника. Шести и двенадцатиугольные храмы с крышей в виде усеченной многогранной пирамиды явились важным достижением монгольской сборно-разборной архитектуры. Такие храмы удобны и для нужд ламаистского культа, который каждую сторону храма связывает с определенными религиозными церемониями. Число шесть в буддизме-ламаизме имеет сакральный смысл. Шесть миров (тиб. *rigs drug gi skye gnas*), также «шесть лок», «шесть реальностей», «шесть путей» – в буддизме шесть возможных перерождений в сансаре. Конусообразная крыша приобрела характер купола или шатра, выполненного из черепицы, дерева, железа. Собственно монгольские мотивы сплелись с тибетскими и китайскими, рождая новый стиль, трансформируясь на основе местных представлений и вкусов. Развиваясь от народного жилища, юрты-храмы, выстроенные из досок или брусьев, сохранили простые и устойчивые ясные формы, особенности цветовых сочетаний.

Юрта в Казахстане является важным традиционным компонентом национальной культуры. Ее стилистика и смысловой контекст отражается во внутренне согласованной пространственно-целостной системе жилища кочевника. Казахи веками вырабатывали архитектурные принципы, удовлетворяющие идею освоения и «укрощения» безграничного пространства Великой степи. В казахской юрте воплотился космогонический, эстетический и глубокий прагматический смысл

кочевья. Ж. К. Каракозова и М. Ш. Хасанов в работе «Космос казахской культуры» отмечают, что для казаха полукружье степного горизонта – это, прежде всего символ единения видимого и невидимого [4]. И этот символ формировал стиль мировосприятия и характер миропонимания. Круг Солнца на небе и полукруг небосвода над степью стали основой мифологического восприятия Космоса и жизни. Законы кругового движения легли в основу первых представлений кочевников о мире. Поскольку сам кочующий тоже участвовал в этом движении, то, естественно, что он олицетворял собой это Колесо Жизни. В полном обороте движения совпадали три Космоса, переходя один в другой и образуя нескончаемую восьмерку движения – символ бесконечности. Человек мыслил себя в единстве с мирозданием и космическими ритмами. Время воспринималось цикличным. Центр мира находился всегда там, где стояла юрта казаха [4, с. 16].

Символичным для казахской юрты был трюнный цикл ее сборки и разборки. Последовательно устанавливались решетчатый остов (кереге) – земля, жерди (уык) – лучи солнца и круглое навершие юрты (шанырак) – солнце. Деление на три сохраняется и во внешнем оформлении юрты. Войлочное покрытие состоит из трех частей, трех видов полотен, различных по своим размерам и формам. Юрта покрывается снаружи, снизу у основания, туырлыкком, сверху шанырака – тундуком, соединяет их узик. Внутри она делится на три части: околodверную, срединную и тор, высшую точку в юрте. Так, троичность архитектуры юрты моделирует вертикальную трехъярусную структуру Вселенной (так называемые верхний, средний и нижний мир). Верх ее – небесный купол, края окружности – горизонт. Нижний, средний и верхний миры часто описываются в казахском фольклоре. Внутреннее пространство юрты обозначено смысловыми границами. Территория около двери называется босага (порог) – сакральный рубеж дома и внешнего мира. Центр – отау, очаг, дастархан является символом семейного счастья, почитается казахами как святое место своего жилища. Напротив входа за очагом находится самое почетное место для гостей, заслуженных людей, старейшин семьи – төр. Тор олицетворяет славу и богатство. Также внутреннее

пространство делится на семантические сегменты правый – левый. Направо от входа расположена женская половина. Налево от порога – босага – мужская половина, символ мужского начала. Направо от двери между почетным местом и порогом – место стариков и детей. От входа справа, ближе к почетному месту размещались молодые женщины, если они не отделились от родителей.

А. С. Сапиев рассматривает казахскую юрту с как средоточие культуры социума: «Сравнительно небольшой объем площади юрты был четко организован, в нем, как и в монгольском жилище выделяется “ось возврата” и “ось пола”, место и способ сидения его обитателей были четко маркированы в зависимости от пола, возраста, положения в системе родства. Жизнь человека начиналась в правой части юрты, мирской половине и на ней же завершалась, замыкался жизненный круг его. Так все основные этапы жизненного цикла человека отмечались в юрте» [6, с. 371–372].

Семантичен интерьер казахской юрты. Внутри все вещи находятся на виду, и каждая из них, помимо своего утилитарного смысла, выполняет декоративно-эстетическую функцию. Изделия украшены национальными орнаментами, в которых преобладают зооморфный, растительный, геометрический, а также стилизованные изображения бытовых предметов, небесных светил и явления окружающей природы.

Казахская юрта как национальный архетип отразила особенности мировоззрения народа и воплотила представление о порядке и целостности вселенной. Через семантику юрты прослеживается связь с традициями древности, выявляются ключевые компоненты казахской философии.

Киргизская юрта прошла свой специфический путь развития от простого конического шалаша. Такой шалаш (кош) состоял из жердей, связанных в верхней части и прикрытых звериными шкурами. Эта протоюрта имела вход и отверстие для выхода дыма наверху. Посередине разводился очаг.

Более сложный тип киргизского шалаша получил название – аблайча. Киргизское предание приписывает его появление хану Аблау [8, с. 24]. Эта постройка состоит из жердей, которые устанавливаются наклонно. Сверху жерди вставляют

ся в специальный круг – чангарак. Полностью все жилище покрывается кошмой (войлоком), и только отверстие для дыма остается свободным. В настоящее время аблайча употребляется в качестве походной юрты.

Решетчатая юрта появилась у киргизов от монгольской решетчатой кибитки. В процессе эволюции выделились два типа юрт: «калмыцкий» – более простой, близкий по стилю аблайче, поставленной на решетку, и «киргизский» – более сложный и искусный в плане техники. Так, киргизская решетчатая юрта получила куполообразный верх за счет изогнутых жердей, что придало строению более мягкие и гармоничные очертания. Основание такой юрты киргизы называют – кереге (как и у казахов). Эта часть делается из тальника, растущего по берегам степных рек. Всем процессом подготовки материала руководит мастер – уйче. В результате получают выгнутые детали для решетчатой рамы. Затем киргизы просверливают их в местах скрещивания и продевают в отверстия ремешки, концы которых крепко завязываются. Путем соединения получается отдельный модуль, получивший у киргизов название – канат. Из этих решеток составляется основание юрты. Далее к решетке привязываются жерди – ук (ок), верхний конец которых прямой, а нижний изогнут и привязан к самой раме. Верхняя часть ук вставляется в круг – чангарак. В центре юрты устанавливают прочный шест – бокан, для большей устойчивости и прочности. Далее юрта покрывается кошмами и обязательно чием, прочной циновкой, сплетенной из травы. Кроме того, киргизская юрта должна обязательно иметь баскур – шерстяной пояс с богатым ярким узором, которым стягивается верхняя часть остова. Самой красивой и богатой считается юрта, покрытая белым войлоком.

Внутреннее убранство юрты имеет традиционные черты, характерные для центрально-азиатских жилищ. В центре располагается очаг, дополненный треножником, ножки которого обязательно должны быть напротив двери. Также, напротив двери полукругом устанавливаются ящики – сандык, для хранения вещей. Напротив двери самое почетное место (тер), на которое усаживается почетный гость. Гачев Г. Д. выявляет, что у юрты монолитное внутреннее простран-

ство – единое и неделимое. Этим она производит монументальное впечатление. Она не может расти внутрь и вверх без предела. Юрта есть целостная идея [1, с. 21].

Юрта – гордость киргиза, чем богаче человек, тем больше и разнообразнее у него юрты. Считается, что самыми роскошными были именно киргизские юрты. Прекрасного качества войлок служил для отделки остова юрты. Шерстяные ковры сплошь покрывали все внутреннее пространство. Еще одна особенность киргизской традиции – селиться большими родовыми группами, поэтому кочевье могло насчитывать более ста юрт.

На основе универсального жилища кочевника – юрты – сформировались и другие юртообразные архитектурные типы. Так, Н. Харузин выделяет чучелу (или шошалу). Это строение происходит от формы простой решетчатой юрты и делается из дерна или двойного плетня, который также обмазывается землей и навозом. Чучела может также входить в юртовый ансамбль и служить кухней или помещением для жилья рабочих. Есть чучела, которая строится из бревен, в этом случае она делается восьмиугольной [8, с. 69].

Юртообразная архитектура Киргизии продолжает свое существование и в настоящее время. Модернизируются технологии ее создания, развивается дизайн, совершенствуются материалы, но несмотря на эти преобразования юрта остается распространенным типом жилища на широких просторах Киргизии. В азиатских странах технократическая составляющая опирается на традиции, этнокультурный опыт, национальные художественные ценности [11, с. 2160]. Это ярко демонстрирует эволюция юрты.

В связи с глобальными изменениями в жизни кочевых народов изживала себя и кочевая юртообразная архитектура, уступая место стационарным постройкам. Но тем не менее современная ситуация развития общества, характеризующаяся повышенной ролью интеграционных процессов, не предполагает снижения значения в культуре и искусстве национальных компонентов [7, с. 143]. Поэтому юрта как традиционный тип жилища существует и по сей день. Образ юрты со временем стал социально-историческим и нравственно-философским символом народов Центральной Азии.

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Ин-т ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
2. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. Культура, традиции, символика. – М.: Восточ. лит., 2002. – 147 с.
3. Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. – М.: Наука, 1990. – 63 с.
4. Каракозова Ж. К., Хасанов М. Ш. Космос казахской культуры. – Алматы: Эверо, 2011. – 67 с.
5. Никифоров С. О., Никифоров Б. С., Михайлов В. Н. Особенности дизайна монгольских юрт (гэр): генезис, типология, каркасно-модульные технологии и их трансформация // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2014. – № 1 (13). – С. 99–116.
6. Сапиев А. С. Юрта как мировоззренческий аспект культуры казахов // VI Оразбаевские чтения: Проблема преемственности культур в археологии и этнографии: сб. науч. ст. – Алматы: Казах. ун-т, 2014. – С. 370–373.
7. Степанская Т. М., Мелехова К. А. К вопросу о процессе интеграции культур Запада и Востока (на примере изобразительного искусства Казахстана, Монголии и Китая) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015. – Т. 1, № 3 (87). – С. 143–146.
8. Харузин Н. История развития жилища тюркских и монгольских народов. – Павлодар: ЭКО, 2006. – 183 с.
9. Цултэм Н. О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. – М.: Изобразит. искусство, 1984. – 232 с.
10. Melekhova K. A. Formation and development of artistic traditions in the finearts of Mongolia // European Journal of Science and Theology. – 2014. – Т. 10, № 6. – P. 243–252.
11. Melekhova K. A., Lichman E. V. The culture integration in the context of national art schools – the foreground development trend of the modern humanities // International Journal of Environmental and Science Education (ISSN13063065-Turkey-Scopus). – 2016. – P. 2160–2169.

References

1. Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'tsa i gortsa [National images of the world the space of the nomad, the farmer and the mountaineer]*. Moscow, Institute DI-DIK Publ., 1999. 368 p. (In Russ.).
2. Zhukovskaya N.L. *Kochevniki Mongolii. Kul'tura, traditsii, simbolika [The Nomads Of Mongolia. Culture, traditions, symbolism]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 147 p. (In Russ.).
3. Zhukovskaya N.L. *Sud'ba kochevoy kul'tury [The fate of the nomadic culture]*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 63 p. (In Russ.).
4. Karakozova Zh.K., Khasanov M.Sh. *Kosmos kazakhskoy kul'tury [Cosmos of Kazakh culture]*. Almaty, Evero Publ., 2011. 67 p. (In Russ.).
5. Nikiforov S.O., Nikiforov B.S., Mikhaylov V.N. Osobennosti dizayna mongol'skikh yurt (ger): genesis, tipologiya, karkasno-modul'nye tekhnologii i ikh transformatsiya [The design of the Mongolian Yurt: Genesis, typology, the frame-modular technology and their transformation]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2014, no. 1 (13), pp. 99-116. (In Russ.).
6. Sapiev A.S. Yurta kak mirovozzrencheskiy aspekt kul'tury kazakhov [Yurt as an ideological aspect of the culture of the Kazakhs]. *VI Orazbaevskie chteniya: Problema preemstvennosti ku'tur v arkheologii i etnografii: sbornik nauchykh statey [VI Orazbaev readings: the Problem of the succession of cultures in archaeology and Ethnography. Collection of scientific articles]*. Almaty, Kazakh University Publ., 2014, pp. 370-373. (In Russ.).
7. Stepan'skaya T.M., Melekhova K.A. K voprosu o protsesse integratsii kul'tur Zapada i Vostoka (na primere izobrazitel'nogo iskusstva Kazakhstana, Mongolii i Kitaya) [The question of the process of integrating the cultures of West and East (for example, the fine arts of Kazakhstan, Mongolia and China)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai state University]*, 2015, no. 3 (87), pp. 143-146. (In Russ.).
8. Kharuzin N. *Istoriya razvitiya zhilishcha tyurkskikh i mongol'skikh narodov [The history of the development of the home of the Turkic and Mongolian peoples]*. Pavlodar, Eko Publ., 2006. 183 p. (In Russ.).
9. Tsultem N.O. *Iskusstvo Mongolii s drevneyshikh vremen do nachala XX veka [The art of Mongolia from ancient times to the early twentieth century]*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1984. 232 p. (In Russ.).
10. Melekhova K.A. Formation and development of artistic traditions in the fine arts of Mongolia. *European Journal of Science and Theology*, 2014, vol. 10, no. 6, pp. 243-252. (In Eng.).
11. Melekhova K.A., Lichman E.V. The culture integration in the context of national art schools – the foreground development trend of the modern humanities. *International Journal of Environmental and Science Education (ISSN13063065-Turkey-Scopus)*, 2016, pp. 2160-2169. (In Eng.).